

*Валерия Косякова*¹

ФИЛОСОФИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА.

КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ: О ГРАДЕ ЖЕНСКОМ²

Аннотация. Кристина Пизанская — уникальная мыслительница позднего Средневековья, заговорившая о проблемах женской интеллектуальной культуры, равноправия и мизогинии. Она поднимала вопросы, связанные с женским образованием и спецификой конструирования стереотипов в патриархальном дискурсе. Автобиографический стиль философствования от первого лица — важный прием ее письма, не только конструирующий память-о-себе, но и становящийся приемом редуцирования мужского пристального взгляда в текстуальной культуре. Анализ феномена ее философствования неотделим от фактов биографии и ее конструирования в женском нарративном письме.

Ключевые слова: «Книга о Граде женском», Кристина Пизанская, женское письмо, гендерные исследования.

Valeria Kosyakova

PHILOSOPHY FROM THE FIRST PERSON.

CHRISTINE DE PIZAN: THE BOOK OF THE CITY OF LADIES

Abstract. Christine de Pizan is a unique thinker of the Late Middle Ages, who spoke about the problems of female intellectual culture, equality and misogyny. She raised issues related to women's education and the peculiarities of stereotype construction in patriarchal discourse. The autobiographical style of philosophizing from the first person is an important method of her writing, constructing not only a memory-about-her-self but also becoming a method of reducing the male gaze in textual culture. An analysis of the phenomenon of her philosophizing is inseparable from the facts of her biography and its construction in women's narrative writing.

Keywords: Christine de Pizan, The Book of the City of Ladies, women's writing, gender studies.

Для цитирования: Косякова В. А. Философия от первого лица. Кристина Пизанская: о граде женском // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 4. С. 484–493. DOI: 10.52119/LPHS.2022.58.51.001.

¹Косякова Валерия Александровна, научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени, доцент Высшей школы европейских культур Российского Государственного гуманитарного университета.

Valeria Kosyakova, senior lecturer, Center for Visual Studies of the Middle Ages and Modern Times; Associate Professor, Higher School of European Culture, Russian State University for the Humanities. art_0@list.ru

²Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

Кристина Пизанская родилась в Венеции около 1364–1365 гг. Смерть же она встретила во французском аббатстве Пуасси в 1430 году, будучи известной поэтессой и состоявшейся интеллектуалкой эпохи. Спустя столетия Кристину Пизанскую назовут одной из первых женщин, профессионально реализовавшихся на поприще литературы. Многие феминистки XX и XXI веков рассматривают работы и жизненную позицию Кристины Пизанской как исток современного движения по борьбе с дискриминацией и за права женщин.

Кристина Пизанская оставила внушительный корпус текстов, посвященных феминистским и гендерным темам, статусу и роли женщины в обществе и семье. Она актуализировала проблемы маргинализации женщины, интериоризации мужского взгляда, доминирования, отсутствия равных прав и возможностей в сферах образования и оплаты труда. Она подняла вопросы насилия в семье, социальной нормализации абьюзивных сексуальных отношений и женских самоубийств как социального феномена. В фокусе ее трактатов и поэтических текстов, написанных около 600 лет назад, сосредоточились и поныне актуальные проблемы не межличностных, но социальных, гендерных отношений между полами. Протофеминизм работ Кристины Пизанской связан главным образом с развитием критических установок в истории идей, женским письмом и взглядом на мужскую интеллектуальную культуру.

В конце XIV — начале XV веков, на заре Высокого Средневековья, символом разломов линейности исторического процесса и сообразных интеллектуальных трансформаций стала идея рождения нового субъекта — «moderna». Его габитус много больше зависел от двора, нежели от монастыря (Brownlee 1990: 153–173). Взгляды, качества, свойства новой личности были детерминированы не столько религиозным мироощущением или системой христианской догматики, сколько городской, светской культурой, ступившей на тропу секуляризации и эмансипации от влияния церкви. Конечно, Кристина Пизанская стала одной из первых представительниц и представителей, носительниц и носителей альтернативного светского этоса и новой прогрессивной этики.

Прогрессивность вкупе с одаренностью и с небывалой дотоле для литераторов гендерной принадлежностью обеспечила самобытную выразительную новизну произведений Кристины Пизанской: «красноречивая муза», создававшая свои произведения в городской среде, а не в стенах монастыря, как большая часть средневековых европейских авторов.

Гендерная саморефлексия авторства занимает главное место в работах Пизанской и глубоко пронизывает все ее творчество, с ранних стихов до крупных аллегорических произведений и обстоятельных политических трактатов. На философствовании от первого-женского лица построен и ее знаменитый трактат «Книга о Граде женском». Полемизируя с популярной и превалирующей художественной традицией, исключая женщин из интеллектуальной жизни и преисполненной духом мизогинии, Кристина Пизанская строит свой собственный канон, основан-

ный на комментировании мужского текстуального взгляда. Единогласному хору мужской христианской литературы она противопоставила свою позицию — женщины и автора, философствующего о гендерных и феминистских вопросах. Речь от первого лица становится не только приемом в ее текстах, но и самой сутью этического высказывания³.

Стратегия создания авторефлексивной философской литературы у Кристины Пизанской во многом базируется на работе с памятью — личной и культурной. Этот способ наррации (от) нового (альтернативного, женского) интеллектуального субъекта настраивается с помощью двух разных языков, семантически родственных и тесно связанных: изображения и письма. В сфере письма можно выделить несколько стратегем:

1. Кристина конструирует культурно-историческую память, — например, в написании биографии короля Карла V — «Le livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V» (1404). Эта сложная и престижная работа была заказана писательнице Филиппом Смелым в память о покойном и оплакиваемом монархе Карле V Мудром.
2. Следующий подход повествования — память о женщинах: новая женская идентичность в социокультурном пространстве, сообразно проекту Кристины, выстраивается наподобие Города — по сути сакрального и населенного феминным сообществом. Фундамент и стены высоких башен в нем всецело состоят из рассказов, трудов и уроков благородных женщин, коих знала человеческая история. Добродетель — ценность этой структуры, зиждущаяся на величии души, мужестве и верности, что роднит *virtus* Кристины Пизанской с классическим идеалом. Ее Город — это трансисторический топос, неподвластный времени, открытый для женщин всех эпох, образец вечного совершенства, обширный скрипторий женской памяти (Christine de Pizan 2001: 95–96).
3. Однако память в текстах Кристины Пизанской — это прежде всего память о себе и своей жизни. Эта — фундаментальная и магистральная — стратегема инициирует репрезентацию персонального нарратива, производит и формирует ревизию собственного травматического опыта. Интро- и ретро-спективной мыслью конституированы многие работы Пизанской, в частности «Livre du chemin de longue estude» (1402–1403), «Livre de la mutacion de Fortune» (1403), «Advison Christine» (1405). Биографический дискурс вкупе с рефреймингом личной памяти инспирировал и особую практику философствования, которая возникла (по крайней мере, сначала) из утраты, ущерба и дефицита — как аффективного, так и материального (Christine de Pizan 2001: 100–103).

³Автобиографический принцип письма Кристины Пизанской породил обширную серию критических исследований (Brownlee 1988, 2000; Dulac 1991; Paupert 2000; Blumenfeld-Kosinski 2001).

Фемина модерна: приход в интеллектуальную культуру

Интеллектуальная жизнь Кристины Пизанской складывалась под влиянием ее семьи во главе с отцом — Томазо да Пизано. Судя по всему, Томазо был человеком хватким, незаурядных способностей, что вызвало к нему интерес со стороны французского двора. Кристина сама от первого лица конструирует автобиографию: сообщает, что родилась у знатных родителей в Италии, в Венеции, жила в Болонье. Ее дед, священнослужитель и доктор, был родом из Форли и выпускником университета Болоньи, работал наемным советником в указанном городе. И отец, и дед принадлежали к кругу университетских интеллектуалов, и оба служили в Венецианской республике; отец Томазо, уроженец Пиццано, деревушки из нескольких домов на холмах Болоньи (таково происхождение их фамилии — Пизан), в том же городе изучал и преподавал медицину и астрологию. По соглашению с синьорией Венеции Томазо уехал во Францию, поступив на службу в качестве медика и астролога с большими почестями к королю Карлу, одному из самых образованных и дальновидных правителей того времени, любящему знания и искусства. Правитель завел традицию окружать себя интеллектуалами и учеными. Кристина, представленная королю в пятилетнем возрасте, позже даст прекрасное описание богатой, не знавшей тогда себе равных в Европе, королевской библиотеки Лувра, в которую у нее был доступ. Этим обусловлено углубленное литературное образование Кристины, знакомой с римской литературой, произведениями Данте, Петрарки и Боккаччо, Священным Писанием, теологическими и философскими трактатами.

Кристина создаст автобиографическую рефлексию в своем знаменитом труде «Книга о Граде женском», повествуя о стремлении к учебе, а тема женского образования — лейтмотив ее рассуждений на протяжении всей жизни. Как и все барышни высокого ранга, она, несомненно, очень рано начала заниматься музыкой и поэзией, была двуязычной: говорила и читала по-итальянски, но все свои работы писала на французском. Кристина знала латынь достаточно, чтобы иметь доступ к работам по философии, истории, поэзии или религии. В целом она получила более глубокое, обширное и комплексное образование, чем многие молодые придворные девушки. Однако когда Кристина говорит о своем образовании, она скорее жалеет о его неполноте и программе, отличавшейся от обучения для мальчиков. Размышления об общем исключении женщин из культуры письма и постижения наук занимают центральное место в литературе Кристины. Именно согласно социокультурной политике, а не исходя из естественных причин женщинам не разрешается получать надлежащее образование. Когда Кристина вопрошает саму себя (через форму диалога с Дамой разума из Града), действительно ли женщины обладают меньшими интеллектуальными способностями, Дама отвечает, что разница между мужчиной и женщиной обусловлена различным полученным образованием. Аллегория разума подчеркивает: если бы существовал обычай отправлять девочек в

школу и учить их наукам, как это делается с детьми мужского пола, они бы так же хорошо учились и понимали тонкости всех искусств.

Карл V был чрезвычайно великодушен с Томазо, ставшим его личным врачом: помимо значительной зарплаты, король подарил ему несколько поместий, в том числе башню Барбо, на правом берегу Сены, недалеко от королевской резиденции Святого Павла. Кристина выросла в образованной и обеспеченной среде двора, и ее отец, как и многие другие гуманисты позже, горячо поддерживал ее занятия, о чем она также будет писать в своих работах. Когда Кристине исполнилось четырнадцать лет, отец принялся искать ей достойную партию. Выбор пал на Этьена де Кастеля — образованного и добродетельного человека родом из благородной семьи Пикардии. Этьен де Кастель пользовался покровительством у короля, который гарантировал ему постоянный доход, а впоследствии стал канцлером и секретарем короля — эта должность в то время резервировалась для интеллектуальной элиты. Брак состоялся в начале 1380 года, когда Кристине исполнилось пятнадцать лет, Этьену — двадцать четыре года. Кристина позже будет часто рассказывать в своих текстах о личном счастье и взаимной любви, объединявшей пару, выводя интимную историю в пространство публичное. И в целом прием автобиографического письма — основа ее рассуждений.

По словам Кристины, в ее жизни произошел заметный перелом со смертью Карла V в 1380 году. Этот год знаменовал и конец карьеры отца: оплату за труды Томазо существенно снизили и выплачивали нерегулярно. Томазо умер в 1387 году, не позаботившись о наследии. Этьен де Кастель стал полноправным главой семьи, на которого ложилась материальная ответственность за судьбу дома. Но и он вскоре скончался, став жертвой эпидемии чумы. Семья лишилась дух опор. У Кристины, когда ей исполнилось двадцать пять лет, осталось трое детей, мать и племянница.

В Средневековье к вдове, которая не выходила повторно замуж или не уходила в монастырь, относились с подозрением, обвиняя в жадности и похоти, — об этом Кристина напишет в «Метаморфозах фортуны». Ее жизнь и положение коренным образом изменились после смерти мужа. За трауром последовала финансовая катастрофа. Но Кристина решает не выходить замуж повторно и выбирает профессию литератора. Она работает над реорганизацией своего наследства и активов, пытается поддерживать уровень дохода, достаточный для сохранения своего социального статуса. Однако единоличных занятий финансами семьи недостаточно: отец и муж не оставили солидного наследия и гарантированного дохода. Кристина рассказывает о своих несчастьях в «Метаморфозах фортуны»: тяжелые времена длились 14 лет, в течение которых финансовые заботы, испытания, лишения и проблемы со здоровьем накапливались. Свои интересы ей пришлось защищать самостоятельно. Описания опыта тяжб и судов сопровождаются упреком в адрес тех, кто исключает женщин из управления имуществом, обрекая на дальнейшую встречу с недобросовестными кредиторами и спекулянтам, бесконечными судеб-

ными процессами. Изнутри своего опыта, описывая жен и вдов, совместно с ней проводивших многие часы в залах судов, на холоде, Кристина указывает на широко распространенную привычку мужей не раскрывать полностью женам детали их состояния и управления имуществом, что часто является источником бед.

В первой части книги «Метаморфозы фортуны» («*Livre de la mutation de Fortune*») — обширном аллегорическом произведении (23 636 стихов) — повествование об истории человечества, которая всегда зависит от меняющейся удачи, принимает форму личного нарратива с элементами автобиографии (близкого современной форме автофикшн). Наррация от первого лица дает ей возможность написать универсальную историю, основанную на личном рассказе. Кристина отводит более 1400 стихов описанию своего итальянского происхождения, рассказу об отце и семейной жизни. Спустя десять счастливых лет при дворе героиня вместе со своим женихом отправляется в путешествие, чтобы добраться до Фортуны. На корабле их застает ужасная буря; рулевой Этьен, владевший «великим знанием управления кораблем в любое время года, исчезает среди волн». Кристина остается одна и в отчаянии. Но Фортуна жалеет ее, приходит на помощь и превращает ее в мужчину (Christine de Pizan 1959–1966: v. 1347–1361). Аллегорический образ метаморфозы от женщины к мужчине зеркально отсылает к овидиевскому описанию мифа о Тиресии. Кристина выстраивает метафору изменения от женской, пассивной к мужской, активной идентичности — гендеру, которому позволено вести социальную жизнь. Она описывает ощущение легкости тела, почувствовавшего вкус свободы и неограниченного движения, приписываемые мужскому полу; та же легкость будет описываться в процессе ее работы над фундаментом женского города. Однако при его возведении Кристина будет опираться не на маскулинную логику, описанную ею в «Метаморфозах фортуны», но на Даму — аллегорическую разума.

Несмотря на лишения, Кристина выбирает профессиональную писательскую карьеру. Поначалу литературная карьера Кристины привела семью на грань разорения, но с покровительством Жана Беррийского и герцога Орлеанского она смогла развить литературное дело. В писательстве она обращалась к популярному в светских кругах жанру любовной баллады (с 1393 по 1412 год Кристина написала более трехсот баллад и множество небольших стихотворных произведений разных форм: рондо, виреле и т. д.) Прибыль от ее книжного дела достаточно трудно определить, но вполне вероятно, что она составляла от 100 до 150 фунтов стерлингов, а значит, уровень ее дохода был аналогичен уровню заработка ее мужа.

Производство и написание книг для Кристины становится профессиональным занятием. В Средневековье письмо было признаком интеллектуального состояния, тогда как акт письма в большинстве случаев доверялся писцу, человеку, которому делегировалась задача писать под диктовку или переписывать написанное. Книжное ремесло материально не было престижным, и, возможно, из-за этого, согласно

истории книги, оно практиковалось женщинами⁴. Многие из них были женщинами-переписчиками и миниатюристками, которые часто занимались и каллиграфией. Деятельность женщин в книжных ремеслах не была уникальным явлением в Средневековье, и сама Кристина рассказывает о некой Анастасии, искусной миниатюристке. Прежде чем стать писательницей, Пизанская занималась производством рукописей. Она держала светское ателье-скрипторий по производству манускриптов и лично руководила созданием и исполнением миниатюр, обширных иконографических циклов, работая вместе с известными позже иллюминаторами. Ее работа настолько ценилась, что ей доверяли отделку самых богатых и роскошных рукописей, а также создание биографии Карла V.

Строительство женского сообщества

Наиболее значимое место среди произведений Кристины Пизанской занимает обобщающий трактат «Книга о Граде женском» («Le Livre de la Cité des Dames», 1405) — это и философский, и социополитический труд.

Нарратив философского трактата Кристина выстраивает от первого лица, отталкиваясь от собственного жизненного опыта и опыта чтения. Интроспекцию она конструирует, ориентируясь на стиль повествования изучаемого ей Бэция «Утешение философией» и «Исповедь» Блаженного Августина. Новаторством Пизанской стало не только и не столько женское светское философское письмо, сколько критическая оптика, которая обнаруживает и дезавуирует паттерны маскулинной логики, объективирующей и демонизирующей женщин в социокультурном дискурсе.

Структура текста трактата коррелятивна последовательности возведения самого Града и эта процессуальность отражает рефлексивный путь философствования Кристины. По мере строительства она раз-со-бирает маскулинный дискурс о женщинах, формируя феминную историю. Град становится полисемантическим образом, включающим и создание идеального топоса трудами активных женщин-строительниц, складывающих своими деяниями новое сообщество, — так Кристина реализует идею восхождения от земного (мужского) к идеальному (женскому).

Отправной точкой авторефлексивного письма Кристины становится опыт чтения мужской литературы, изобилующей негативными образами женщин. Кристина Пизанская создает аналог произведения «О знаменитых женщинах» Боккаччо, однако от первого женского лица, возражая против сочинений, содержащих женоненавистнические и циничные отрывки, к которым относятся фрагменты из Боккаччо и знаменитая и критикуемая Кристиной вторая часть «Романа о Розе» (глава «Старуха») Жана де Мёна и «Стенания Матеола» (Lamentationes Matheoli) Маттьё из Булони (Matthaeus Bononiensis).

⁴См.: Willard (1965), Hindman (1983), Laidlaw (1987).

Обратимся к последовательности рассуждений Кристины, написанных от первого лица, чтобы увидеть новаторство ее письма и проблематики.

Кристина довольно подробно описывает ход своего феминистского прозрения. Во многом нарратив схож с приемами мистической и визионерской литературы, однако вначале ее посещает внутреннее интеллектуальное прозрение, далее приобретающее аллегорическую форму. Пизанская сообщает читателю, что однажды она сидела в своей библиотеке и изучала всевозможные науки, когда решила взять небольшую книгу Матеолуса. Она с отвращением обнаружила, что текст — всего лишь одна длинная тирада о всевозможных низменных и недостойных проявлениях женщин. Книга стала источником беспокойства для Кристины, поскольку она обнаружила, что негативный образ женщины полон ложью и стереотипами. Однако, вместо того чтобы рассердиться, Пизанская задается вопросом, почему так много мужчин на протяжении веков так сильно критиковали женщин. Сначала Кристина высказывает сомнение, полагая невозможным, чтобы столько мудрых мужчин могли ошибаться в отношении противоположенного пола. Но в каждой книге, которую она снимала с полки в библиотеке, она находила аналогичную критику. В конце концов у Кристины нет выбора, кроме как решить, что Бог создал всех женщин слабыми и ужасными существами. Наконец, Кристина решает, что она была проклята Богом за рождение в женском, а не мужском обличье. В момент этого кризиса, когда Кристина осознает всю негативность своей природы, она видит луч света, падающий на колени. Ей являются три Дамы (Christine de Pizan 1997: 12–52; Кристина Пизанская 1991: 218–256).

Первая из трех женщин говорит Кристине не бояться. Миссия Дам — помочь ей преодолеть невежество в отношении женщин. Дамы рекомендуют Кристине вооружиться критическим мышлением и не верить тому, что говорят философы-мужчины. Первая из трех Дам подходит к Кристине и подносит к ней зеркало. Она утверждает, что Кристина не смогла увидеть себя такой, какая она есть на самом деле, потому что она так долго слушала, что мужчины говорят о ней как о женщине. Первая Дама — аллегория Разума. Именно аллегория Разума сообщает, что Кристина обязана построить Город, в котором все лучшие дамы мира смогут жить вместе, не прислушиваясь к мужской лжи об их природе. Первая Дама сообщает, что новый город будет называться Городом женщин, сравнивая его с древней Троей. Остальные две Дамы — это Праведность и Правосудие. Далее весь трактат строится на майевтическом диалоге между Кристиной и Разумом, Праведностью и Правосудием.

Композиция трактата отвечает процессуальности возведения Города. Его фундамент и стены — это Разум; аллегория репрезентирована с зеркалом знания в руке. Таким образом, с помощью разума, сильного и способного противостоять времени, Кристина инициирует строительство города с глубоким основательным фундаментом и высокими стенами. Этот современный полис возводится с использованием каменных блоков, репрезентирующих выдающихся женщин античности:

Семирамиду, амазонок и т. п. В первой части книги обсуждаются 36 женщин, во второй — 92, в третьей — 37. Исторические личности и легендарные женщины становятся основой и структурой Города. При этом само строительство может быть расценено как внутренний интеллектуальный опыт философствования самой Кристины, редуцирующий *male gaze*, с которым она сталкивалась в книгах, через историю женщин. Так Кристина начинает артикулировать женский взгляд на маскулинный дискурс.

Аллегория Разума — критика маскулинного дискурса: подготавливает землю для города, чтобы возвести внешние стены: «Возьми лопату твоего разума, чтобы рыть и расчищать большой котлован до глубины, указанной мной, а я буду помогать тебе и выносить на своих плечах землю». С помощью Праведности Кристина возводит здания, символизирующие добродетели. Праведность держит в руках линейку-правило, которая измеряет справедливое и несправедливое, хорошее и плохое. Последние штрихи и заселение города связано с аллегорией Правосудия, держащей в руке чашу, из которой она воздает каждому по заслугам. Эта третья аллегория, в свою очередь, помогает рассказчице покрыть город чистым золотом. Затем Правосудие избирает женщин, достойных приехать в город, образуя добродетельную общину (напоминающую Венецианскую Синьорию). Наконец, населенный город открывает свои двери для царицы Девы Марии в сопровождении святых и мучениц, а Кристина наподобие святого Петра получает ключи от Града.

Согласно проекту Кристины современное ей общество нуждается не в разделении функций по гендерному признаку, но в их гармонизации, предполагающей включение женщины в активное творческое социокультурное поле отношений. Для этого Кристине, а вслед за ней и ее читателям и читательницам, необходимо редуцировать мужской традиционный взгляд на женское. В ходе строительства Кристина разбирает «старые камни» (каждый камень соответствует ошибочному мнению автора-мужчины, включая классиков: Аристотеля, Вергилия, Овидия или Цицерона и т. д.) и отстраивает своим повествованием новые камни. Построение сообщества при этом объединяет работу со стереотипами и практические усилия по строительству города параллельно с созданием трактата и женским письмом от первого лица.

Литература

- Кристина Пизанская 1991 — *Кристина Пизанская*. Из «Книги о Граде женском» // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М.: Наука, 1991. С. 218–256.
- Blumenfeld-Kosinski 2001 — *Blumenfeld-Kosinski R. Christine de Pizan et l' (Auto)biographie féminine* // *Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée*. 2001. Vol. 113. P. 17–28.

- Brownlee 1988 — *Brownlee K.* Discourses of the Self: Christine Pizan and the Rose // *Romanic Review*. 1988. Vol. 79, iss. 1. P. 199–221.
- Brownlee 1990 — *Brownlee K.* Ovide et le Moi poétique «moderne» à la fin du Moyen Âge : Jean Froissart et Christine de Pizan // *Modernité au Moyen Âge. Le défi du passé*. Genève : Librairie Droz, 1990. P. 153–173.
- Brownlee 2000 — *Brownlee K.* Le projet «autobiographique» de Christine de Pizan : histoires et fables du moi // *Au champ des escriptures. IIIe Colloque international sur Christine de Pizan (Lausanne, 18–22 juillet 1998)*. Paris : Champion, 2000. P. 5–23.
- Christine de Pizan 1959–1966 — *Christine de Pizan*. Le livre de la mutacion de Fortune. Paris : Picard, 1959–1966.
- Christine de Pizan 1997 — *Christine de Pizan*. La Città delle Dame / ed. di E. J. Richards. Milano/Trento: Luni, 1997.
- Christine de Pizan 2001 — *Christine de Pizan*. Le livre de l'advison Christine / ed. par Ch. Reno, L. Dulac. Paris : Champion, 2001.
- Dulac 1991 — *Dulac L.* La figure de l'écrivain dans quelques traités en prose de Christine de Pizan // *Figures de l'écrivain au Moyen Âge. Actes du Colloque du Centre d'études médiévales de l'Université de Picardie, Amiens, 18–20 mars 1988*. Kümmerle, 1991. P. 113–123.
- Hindman 1983 — *Hindman S.* The Composition of the Manuscript of the Christine de Pizan's Collected Works in the British Library: A Reassessment // *British Library Journal*. 1983. Vol. 9, no. 2. P. 93–123.
- Laidlaw 1987 — *Laidlaw J. C.* Christine de Pizan: A Publisher's Progress. 1987. Vol. 82, no. 1. P. 35–75.
- Paupert 2000 — *Paupert A.* La narracion de mes adventures : des premiers poèmes à l' 'Advison', l'élaboration d'une écriture autobiographique dans l'œuvre de Christine de Pizan // *Au champ des escriptures. IIIe Colloque international sur Christine de Pizan (Lausanne, 18–22 juillet 1998)*. Paris : Champion, 2000. P. 51–71.
- Willard 1965 — *Willard C. C.* An Autograph Manuscript of Christine de Pizan? // *Studi francesi*. 1965. Vol. 27. P. 452–457.